

3. Попова, Т.В. Ассоциативный эксперимент в психологии : учеб. пособие / Т.В. Попова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта: НОУ ВПО «МПСИ», 2011. – 72 с.
4. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
5. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
6. Beigbeder, F. Un roman français / F. Beigbeder. – Grasset, 2009. – 248 p.

The article centers round the results of experimental research of French toponym's connotations in two different cultural groups. The data obtained reveal the toponym's meaning as a historically&culturally conditioned phenomena. The determined differences of toponym's interpretation attest to the insufficient introduction of this material in our education process.

Поступила в редакцию 22.05.12

Т.К. Кохнович

ИРОНИЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СПОСОБ КОСВЕННОЙ ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛА (на материале немецкого языка)

В данной статье ирония рассматривается как косвенный речевой акт, проявляющийся в форме иллокутивов с обратным значением. Анализируются вопросы, не имеющие однозначного толкования в лингвистике: сущность иронии, ее соотнесенность с другими синтаксическими тропами, идентификация ироничных высказываний, формы и виды иронии. Анализ практического материала позволяет установить, что для выражения иронии используются в большинстве случаев слова, словосочетания, фразы, междометия, частицы, сравнения, повторения, ироничное значение которых усиливается просодическими средствами.

Ирония (греч. лат. *eironeia*) рассматривается в лингвистике как стилистическая фигура, в основе которой лежит прагматика контраста между сказанным и реальным. Само понятие возникло в античные времена для обозначения бранной речи, целью которой была насмешка над кем-либо путем притворства. В дальнейшем ирония неотделима от личности Сократа: употребителен термин *сократовская ирония*, обозначающий несобственное говорение, саркастическую похвалу. В работах отечественных лингвистов ирония употребляется в двух значениях: в узком смысле как перифраза с противоположным действием, т.е. как лексическое средство; в широком смысле как семантический синоним к словам «юмор, сатира, сарказм, насмешка, подтрунивание» [1, с. 238]. Немецкие лингвисты рассматривают иронию в основном как косвенные речевые акты, в которых все или определенные предикаты употребляются как антонимы [2; 3; 4].

Однако до настоящего времени не существует единого подхода к определению иронии, ее сущности. Критике подвергается точка зрения, рассматривающая иронию как форму юмора [5, с. 22]. Уже в античной риторике подчеркивался шуточный признак иронии, однако впоследствии стало очевидным, что ее главным намерением является отрицательная оценка точки зрения противника. А это достигается тонким притворством, которое не всегда является комичным или смешным. Ирония, таким образом, является не формой юмора, а способом ее выражения, точно так же как какой-то рассказ или рисунок могут действовать комично, не являясь формой юмора. По сравнению с истинной шуткой в ироничном высказывании содержится та или иная степень агрессии. А форма иронии, при которой что-то говорится в шутовском тоне, а подразумевается серьезный смысл, употребляется достаточно редко. Так, Г. Гейне при ответе на вопрос *Was schlimmer sei, Zahnschmerz oder ein böses Gewissen?* подчеркивает преимущество первого [6, с. 252].

Неоднозначно трактуются ироничные высказывания и с точки зрения теории речевых актов. Анализ лингвистической литературы показывает, что одни авторы относят ироничные высказывания к косвенным речевым актам, другие полностью отрицают это или рассматривают их только как коммуникативные импликатуры [4, с. 172–177].

Целесообразно считать ироничные высказывания косвенными речевыми актами, которые обозначаются как «инвертивы», проявляющиеся в форме иллокутивов с обратным значением [7, с. 74–77]. Особенность инвертивов состоит в своеобразии воздействия тонкой иронии на интеллектуальную сферу интерактанта. Способность к восприятию инвертива обуславливается определенной степенью развития культурно-языковой интеллектуальной сферы слушающего. Инвертивы побуждают слушающего самостоятельно создавать истинные представления, существующие в сознании говорящего, и вызывать у собеседника соответствующие реакции. Классический пример, подтверждающий данное утверждение, мы находим у А. Буркхардта, который описывает эпизод из жизни З. Фрейда [2, с. 391]. Чтобы получить разрешение на выезд из Австрии, занятой нацистами, Фрейд должен был подписать следующее заявление: *Ich, Professor Freud, bestätige hiermit, dass ich von der Gestapo mit Achtung und Rücksicht behandelt wurde und nicht den geringsten Grund zu einer Beschwerde hatte.* Фрейд согласился подписать данное заявление с условием добавления только одной фразы *Ich kann die Gestapo jedermann aufs beste empfehlen.* Именно в этой фразе просматривается ироничный подтекст и имеет место переинтерпретация пропозиции, благодаря чему данное высказывание получает свой истинный смысл.

Неоднозначным является также вопрос соотношения иронии с другими тропами и видами косвенности [8; 9; 10; 11].

Зачастую иронию отождествляют с метафорой, хотя, на наш взгляд, у них различные функции: метафора – троп, основанный на принципе аналогии и служащий оживлению стиля, а ирония дает противоположную негативную

оценку явлению. Однако ирония может быть метафорой, как, например, слишком высокооплачиваемого футболиста иронично называют *einen balltretenden Geldschrank* [2, с. 392].

Синонимичной иронии стилистической фигурой называют литоту. Литота, в отличие от иронии, заменяет какое-то выражение как перифраза через отрицание противоположности. Например, о непривлекательном человеке посредством литоты можно сказать: *Das ist ein kein Adonis*, а иронично: *Das ist ein Adonis*. В. Берг считает литоту градуальной иронией, приводя пример: *nicht klein – sehr groß* [12, с. 82]. Роднит их, на наш взгляд, то, что в литоте – перифразе появляется антоним.

Ряд лингвистов понимает иронию как особый случай аллегории [10, с. 190]. Но различие между аллегорией и иронией состоит в том, что аллегория субституирует что-то подобное или аналогичное для данного выражения, т.е. основывается на отношениях схожести сказанного и имеющегося в виду, а ирония основывается на отношениях противоположного.

Иногда иронию отождествляют с ложью. Нам представляется, что при иронии просматривается семантическая инверсия и истинное значение может быть реконструировано, а при лжи настоящий смысл сказанного не реконструируется. Кто говорит неправду, имеет намерение заставить слушающего поверить в сказанное, а кто высказывается иронично, имеет намерение побудить слушающего поверить в противоположность сказанного. Общность и различие между иронией и ложью немецкие лингвисты усматривают в логических суждениях [3, с. 144; 13, с. 15]:

Lüge: der S behauptet p; glaubt p; der H soll p glauben.

Ironie: der S behauptet p; glaubt p; der H soll (- p) glauben.

Человека, который не может понять ироничное высказывание, называют жертвой иронии. Модель коммуникации, а также неудача коммуникации могут быть представлены следующими формулами [13, с. 15].

<i>Sender – Intention</i>	<i>Empfänger – Intention</i>	<i>Ergebnis</i>
1. <i>Ironisch</i>	<i>Ironisch</i>	<i>Erfolg</i>
2. <i>Ironisch</i>	<i>nicht ironisch</i>	<i>Empfänger ist „Opfer der Ironie“</i>
3. <i>Nicht ironisch</i>	<i>Ironisch</i>	<i>Sender ist „Opfer der Ironie“</i>

По тому, как говорящий побуждает собеседника распознать иронию, можно выделить 3 типа ироничных высказываний, в каждом из которых имеется один преобладающий признак [3, с. 170]:

а) ирония как выражение противоположного значения, т.е. имеет место соответствие традиционному определению иронии: с одной стороны, имеется в виду выражение противоположности при наличии скрытой критики и, с другой стороны, выражение ироничной косвенности, а не эксплицитное выражение перформативными формулами, например: *Ich ironisiere* или *Ich stelle ironisch fest*, но возможным является и отрицание комментария, например: *Ich sage (meine) das keineswegs ironisch*;

б) ирония как притворство (от лат: *dissimulatio*). С. Парк, раскрывая данный тип иронии, отмечает, что говорящий ведет себя так, как будто он чего-то не знает или хочет узнать. Вопрос шефа *Habt ihr Ferien?* [3, с. 169] при виде отдыхающих рабочих звучит иронично, если он знает, что это рабочее время. В данном случае вопрос понимается как требование продолжить работу. Аспект игры исчез бы при вопросе *Ihr habt doch keine Ferien?*

в) иронию сравнивают с эффектом «эхо», которое не является непосредственным свойством иронии, но ироничный эффект все же возникает, когда говорящий напоминает собеседнику, что сказанное им ранее является неправильным или абсурдным. При этом говорящий утверждает это не прямо, а косвенно. Так, например, звучит ироничное утверждение *Was für ein schönes Wetter!* в следующей ситуации: *bei strömendem Wetter, wobei der H. vorher vorausgesagt hat, dass das Wetter schön wird*. Наблюдения показывают, что данный тип иронии может встретиться только в определенных контекстных условиях, а это дает основание некоторым зарубежным лингвистам усомниться в существовании данного типа иронии или считать его определенной игрой [4, с. 45].

Ирония как средство выражения контраста между сказанным и реальным может иметь 3 формы: вербальную, частично вербальную и невербальную [14, с. 288].

В случае вербальной иронии слова или фразы употребляются в противоположном значении, иногда встречается игра слов, например: *Eifersucht ist eine Leidenschaft, die mit Eifer sucht, was Leiden schafft*. Здесь обыгрываются составные части слова *Eifersucht* – *Eifer* и *sucht*.

При частично вербальной иронии используются вербальные и невербальные средства с противоположным значением, а высказывание *Du bist mir aber ein schöner Freund!* сопровождается определенной интонацией, покачиванием головы или жестикуляцией, что обозначает противоположное тому, что утверждается. Такая форма иронии используется часто в качестве убеждения в политических речах, например: *Stimmt, stimmt für diesen Kandidaten!* (рука и пальцы при этом движутся вперед, что означает: *Wählt ihn! Er wird nach den Wahlen alle seine Versprechungen vergessen*).

Невербальная ирония предполагает использование неязыковых имплицитных средств выражения, которые сигнализируют противоположный смысл (натянутая улыбка, сморщенный нос, паузы в общении и т.д.).

В большой лингвистике и в настоящее время идут споры о том, имеется ли в устной речи инвентарь ироничных сигналов, посредством которых задуманное может быть тотчас опознано. Под ироничными сигналами понимаются признаки, которые «мешают» дословному восприятию ироничного высказывания, поэтому многие авторы считают их обязательными [4, с. 192; 9, с. 121–125; 11, с. 294; 12, с. 87–91].

В качестве ироничных сигналов часто рассматриваются цитаты, на письме они обозначаются кавычками, а в устной речи эту функцию берет

на себя интонация. В. Берг иллюстрирует действенность сигналов следующими высказываниями, где ирония может возникать при повторении слов собеседника [12, с. 90].

1. *Das ist ein edler Wein.*
2. *P sagt, es sei ein elder Wein.*
3. *Dieser Sauerrampfer ist edler Wein.*

Вместе с тем, кавычки и интонация не являются однозначными ироничными сигналами, так как они используются и в неироничных высказываниях, поэтому В. Берг замечает, что нет специального ироничного тона, а фразы типа *Das hast du fein gemacht!* могут быть произнесены в насмешливом тоне. Он называет в качестве ироничных сигналов употребление высокопарных выражений в определенных ситуациях, например: *Es ist wirklich das allerschönste Vergnügen auf der Welt, dir jeden Tag die Schuhe putzen zu dürfen* [12, с. 90].

Исследование материала не позволяет выделить идиоматическую иронию, а фразы типа:

- Das ist ja eine schöne Geschichte.*
- Du bist mir der Rechte.*
- Du bist ein sauberer Patron.*

могут употребляться в качестве иронии только в определенном контексте. Это же касается таких речевых действий как благодарность, поздравление, например:

Ich danke dir für deine überaus zahlreichen Anregungen und Hilfeleistungen (в ситуации, когда адресат разочаровал говорящего).

Интересными случаями являются выражения похвалы через порицание в определенных контекстах, например [12, с. 90]:

1. *Du hast heute wirklich schlecht gespielt, nur 4 Tore geschossen* (говорящий обращает внимание игрока на его неправильную самооценку).
2. *Das Essen hat mir heute wieder einmal gar nicht geschmeckt. Ich habe nur 5 Portionen gegessen* (говорящий опровергает мнение собеседника, что приготовленная еда невкусная).

3. Фраза *Picassos Bilder sind wirklich scheußlich* имеет смысл, если говорящий высоко оценивает картины Пикассо, в отличие от собеседника, которому они не нравятся.

Исследование материала дает основание выделить наиболее часто употребляемые ироничные формулы:

- *ja* (частица) – выражает иронию или удивление;
- *so-so* (междометие) – выражает иронию или сомнение;
- *hört! hört!* (возглас на собрании, когда иронично замечают, что сказанное вызывает удивление);
- *Clan* (ироничное название для группы, выражающей общие интересы);
- *Dämchen* – уменьшительное от *Dame*, ироничное употребление данного слова для маленькой девочки, которая ведет себя как взрослая).

В разряд этих формул может быть отнесено классическое ироничное выражение “*Schöne Bescherung!*”

Нередко ирония основывается на переосмыслении стереотипных словосочетаний, например: *Männer sind auch Menschen*.

Для реализации ироничного действия совсем необязательно, чтобы все участники речевого акта одинаково владели единой системой оценок и единым знанием фактов. Достаточно, чтобы сам слушающий хорошо ориентировался в системе оценок и фактурных знаний. Самым явным ироничным сигналом, возникающим в случае неудачно выраженной или непонятной иронии, является перформативное высказывание говорящего *Das war nur ironisch gemeint* или ответная реакция слушающего *Das meinen Sie doch nicht im Ernst?*

Маркерами ироничных сигналов, как было отмечено, могут являться и неязыковые средства: мимика, жестикация и т.д. Описание всех признаков ироничных сигналов представляется проблемным, так как они привязаны к определенной ситуации и могут быть описаны только в данном контексте. Способ передачи иронии, на наш взгляд, индивидуален и зависит от голосовых возможностей говорящего. На вопрос, почему то или иное высказывание звучит иронично, часто отвечают: оно так звучит, чему способствует его просодическое оформление [4, с. 174].

Среди отечественных лингвистов есть и такие, которые считают, что ирония выражается только просодическими средствами [15, с. 169]. В работах же немецких лингвистов высказываются мнения, что просодические средства не могут быть надежным критерием идентификации иронии, так как резкие изменения интонации присущи не только ироничным высказываниям [8, с. 31; 12, с. 90].

Анализ конкретного языкового материала (свыше 100 примеров) и его аутентичных записей свидетельствует о том, что для выражения иронии используются слова, словосочетания, междометия, частицы, сравнения, повторения, игра слов при поддержке просодических средств.

Для придания оттенка иронии может использоваться второй компонент существительных – *bold* для обозначения лиц, обладающих отрицательными чертами характера, например: *Lügenbold* (лгун), *Neidbold* (завистник), *Scheltbold* (сквернослов) [Ск, с. 27]. Слова и словосочетания для выражения иронии обуславливаются контекстом, в котором они обычно употребляются в негативном смысле: *Freund, Kollege, schöne Freunde* [Sm, S. 41]. Для них характерно в основном неглубокое падение тона, резкий неодобрительный тон. А в ироничной фразе *Guten Morgen!* имеет место ситуация – намек на большое опоздание служащего на работу. Фраза произносится с повышением тона в завершении и с неодобрительным тембром голоса. Междометия, частицы и сравнения еще больше усиливают ироничную направленность фразы, например:

Oh, ich bin gerade in der Stimmung für Musik! (ситуация абсолютно не подходит говорящему для отдыха).

Du hast mal wieder eine gute Idee gehabt (намек на плохую идею).

Was hattest du in der vorigen Arbeit? – Eine Vier. – So? Diesmal ist es viel besser – Diesmal ist es eine gute Vier (результат по-прежнему плохой) [Kstn, S. 98].

Повторения как средство иронии могут быть представлены словами, словосочетаниями, фразами, например: в ситуации, когда жена иронизирует по поводу прекрасной характеристики бывшего мужа, повторения имеют следующие формы [Mr, S. 29]:

Sie sagt (die neue Freundin):

Er ist attraktiv.

(1) *Attraktiv?*

Immer ruhig und freundlich.

(2) *So, so - ruhig und freundlich.*

Und elegant ist er.

(3) *Und elegant ist er?*

В первой фразе ирония выражается удивлением-переспросом с сильным выделением ударного слога и резким повышением тона на нем; во второй фразе ирония усиливается междометиями *so-so*, произнесенными ровным насмешливым тоном; в третьей – переспросом со значительным повышением тона, имеет место даже удлинение краткого гласного в слове *elega:nt*.

Следует отметить, что во фразах различной коммуникативной направленности ироничное значение может заключаться в одном слове:

Es ist eine Affenhitze hier. (kalt)

Geht es nicht lauter? (leiser)

Was für ein herrliches Wetter. (schlechtes)

Ироничность может быть выражена также всей фразой, например:

Um Gottes willen, du siehst schon wieder grauenhaft aus! [Htng, S. 164] (спутник иронизирует над привычкой красивой девушки примерять большое количество одежды).

Es ist wirklich großartig, dass du mich so unterstützt hast (собеседник не поддержал говорящего).

Soll ich noch den Mantel bringen, Alex? (реакция учителя на то, что ученик не снял шапку в классе) [Lgr, S. 79].

Ирония часто используется в дидактическом процессе, что связано со стремлением учителя смягчить и завуалировать характер негативного высказывания. Часто для выражения скрытого недовольства, понятного из ситуации как говорящему, так и слушающему, используются лексемы с положительным оценочным значением, главным образом прилагательные, например:

Das hast du wirklich fein gemacht! [Kstn, S. 211].

Du hast ja wieder einen schönen Aufsatz geschrieben. [Ksb, S. 118].

Feine Zustände sind es bei euch! [Kstn, S. 102].

Ein schöner Freund bist du. [Sm, S. 43].

Ироничную эмоциональную оценку данных высказываний усиливают наречия *wieder, wirklich*, инверсия, а также просодические средства: сильное выделение ударных слогов, значительное удлинение главноударного слога (*sch:ön*) и первого компонента дифтонга [*fa: in*].

Проведенный анализ языкового материала позволяет отметить, что ирония является одним из тех видов отрицательной оценки, значение которой раскрывается в контексте и усиливается просодическими средствами (расширенным тональным диапазоном, особым выделением ударных слогов, их сильным удлинением).

Однако не представляется возможным говорить об особом, ироничном тоне. Отрицательные оценки часто сопровождаются эмоциями, ярко выраженной громкостью, насмешливым, неодобрительным или пренебрежительным тоном.

Однозначно можно говорить о том, что ироничные высказывания являются примерами осложненной коммуникации, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственном высказывании, и требуют дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Riesel, E.* Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – М. : Hochschule, 1975. – 316 S.
2. *Burkhardt, A.* Soziale Akte, Sprechakte und Textillokutionen / A. Burkhardt. – Tübingen : Niemeyer, 1986. – 466 S.
3. *Park, S.* Kommunikative Indirektheit / S. Park. – Münster – London : Verlag Berlin – Münster – Wien – Zürich – London – Impressum/Kontakt, 2000. – 289 S.
4. *Hartung, M.* Ironie in der Alltagssprache / M. Hartung. – Rudolfzell : Verlag für Gesprächsforschung, 2002. – 198 S.
5. *Oomen, U.* Ironische Äußerungen – Syntax, Semantik, Linguistik / U. Oomen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – Berlin : Schmidt, 1983. – S. 22–37.
6. *Kierkegaard, S.* Die ironische Redefigur / S. Kierkegaard // Die Kunst des Gesprächs. – München : Beck, 1986. – 252 S.
7. *Кохнович, Т.К.* Ироничные высказывания в свете теории речевых актов / Т.К. Кохнович // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и студентов : в 5 ч. – Минск, 2011. – Ч. III. – С. 74–77.
8. *Lapp, E.* Linguistik der Ironie / E. Lapp. – Tübingen : Narr, 1992. – 213 S.
9. *Löffler, H.* Die sprachliche Ironie – ein Problem der pragmatischen Textanalyse / H. Löffler // Deutsche Sprache. – Berlin : Schmidt, 1983. – S. 120–130.
10. *Müller, W.G.* Ironie, Lüge, Simulation / W.G. Müller // Zur Terminologie der Literaturwissenschaft. – Stuttgart : Chr. Wagenknecht, 1998. – 195 S.
11. *Groeben, N.* Ironie als spielerischer Kommunikatiostyp / N. Groeben // Kommunikationstypologie. – Düsseldorf : Schwann, 1986. – 179 S.
12. *Berg, W.* Uneigentliches Sprechen / W. Berg. – Tübingen : TBL – Verlag, 1978. – 248 S.
13. *Reichholf, C.* Gerhard Amanshausers Ironie und Satire / G. Reichholf. – Stuttgart : Heinz, 1985. – 206 S.
14. *Гончарова, Е.А.* Теория и практика стилистического анализа / Е.А. Гончарова. – М. : Академия, 2010 – 352 с.
15. *Григорьев, Е.И.* Основы фонопрагматики немецкого языка / Е.И. Григорьев. – Днепропетровск : Навчальна книга, 1997. – 169 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Htng – *Hartung, M.* Ironie in der Alltagssprache / M. Hartung. – Rudolfzell : Verlag für Gesprächsforschung, 2002. – 198 S.
- Kst. – *Kästner, E.* Das fliegende Klassenzimmer / E. Kästner. – Zürich : Atrium Verlag, 1996. – 176 S.
- Lgr. – *Lüger, H.H.* Routinen und Rituale in der Alltagskommunikation / H.H. Lüger. – Tübingen : Langenscheidt, 1993. – 112 S.
- Ksb. – *Kusenberg, K.* Lesebuch für das 7. Klasse / K. Kusenberg. – Darmstadt : Winklers, 1982. – 336 S.
- Mr. – *Maier, M.* Alltagsszenen / M. Maier. – Stuttgart : Kett, 1986. – 132 S.
- Sm. – *Schumacher, S.* Kurzhörspiele / S. Schumacher. – Bonn : Internationales, 1989. – 63 S.
- Ск. – *Сакиева, Р.С.* Эмоциональная разговорная речь / Р.С. Сакиева. – М. : Высшая школа, 1991. – 191 с.

The article is devoted to the investigation of irony as a syntactic figure with an opposite meaning. Under analysis are such issues as the essence of ironic utterances, their forms, types, identification as well as language means of expressing irony. Irony is treated as an indirect speech act.

Поступила в редакцию 30.04.12

А.В. Красник

СТРУКТУРА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «ПОГОДА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья отражает результаты исследования структуры ассоциативного поля «Погода» в английском языке по данным ассоциативного словаря. Выявлены лексические средства объективации поля, составлено совокупное ассоциативное метеополе, состоящее из слов-стимулов, значения которых прямо или косвенно включают метеорологический компонент, и реакций на эти стимулы. Описана структура ассоциативного поля «Погода», представляющая собой сложное образование, состоящее из девяти групп, объединяющих ЛЕ на основе семантических признаков, выявленных при помощи метода семантического анализа, выделены общие и отличительные признаки каждой группы. Также выделены группы ЛЕ, косвенно связанные с погодными явлениями, которые играют важную роль для установления различия между лексикографическим и психологически реальным значением.

В понятии *сознание* как высшей понятийной формы отражения человеком действительности разграничивают когнитивное сознание, представляющее собой информационный тезаурус человека, образуемый упорядоченными концептами – единицами мышления, представляющими в ментальной форме отраженную, познанную и осмысленную субъектом действительность,